

Яма / рассказ

Category: Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Яма / рассказ ЯМА

Все совпадения и сходства случайны.

Произведение является художественным вымыслом автора.

Глубокая яма с подтаявшей глиной по краям тянулась по двору и поворачивала между торцом жилого дома номер восемнадцать и гимназией.

Коммунальщики, прокливаемые жителями района за отключенную горячую воду, искали бреши в трубах на дне ямы.

Это был уже второй прорыв за зиму. Следующий будет последним, полетят у кого премии, у кого головы. Этого никак нельзя допускать. Так объяснил старшему лейтенанту Емелину бригадир коммунальщиков. У бригадира тряслись руки, когда он показывал Емелину карту местных «раскопок» и графики выполнения работ. Он скороговоркой повторял: «Посмотри, начальник, мы ни при чём».

– Разберемся, – бросил Емелин и осмотрелся.

За сигнальной лентой, обносящей яму, толпилось не меньше сотни человек.

– Откуда столько зевак среди дня? – спросил Емелин участкового.

– Это родители первоклассников, – ответил тот.

Емелин не понял, но уточняющие вопросы задать не успел, подошёл его начальник.

– Что имеем, Емеля? – негромко спросил Тумаков.

– Сам глянь, товарищ майор, – вздохнул Емелин.

Они подошли к краю ямы и Тумаков посмотрел вниз.

– Да уж, – майор недовольно покачал головой, – Ну, держись, сейчас начнется.

Емелин ещё раз посмотрел на тело, лежащее на дне ямы. Да, теперь начнётся. И сна не будет, пока не закончится.

Последний месяц жизнь бабе Вере не нравилась. Шутка ли – на старости лет в её тесной двушке поселился внук Дима с семьёй. Теперь ни утреннего ритуала с протиранием листьев «денежного дерева», ни полуденного сна, ни пенной ванны три раза в неделю.

Ладно – баба Вера была справедливой – ванна отменяется не из-за внезапного приезда нежеланных родственников, а из-за коммунальщиков, которые опять перекопали двор.

Струйка прохладной воды из крана лишь к вечеру превращалась в тонкий ручей теплой, огненно-ржавой воды. Обещали устранить прорыв трубы за три дня. Прошла уже неделя. Из ямы валили клубы пара, мерзлая глиняная земля по краям раскопок стала вязкой, хотя на улице были стабильные минус пятнадцать. И горячей воды не видать ещё не пойми сколько.

А все из-за коммунальщиков. Ещё из-за чиновников, обещающих рай с рекламных листовок, да улыбающихся с уличных плакатов глазами – щёлками между толстыми щеками и нависшими веками.

Баба Вера исподлобья поглядывала на плакаты, а иногда краем уха прислушивалась к потоку болтовни в новостях.

Вот за последние дни, например, директриса гимназии, куда Дима хотел пристроить сына по месту прописки в квартире бабы Веры, вещала из телевизора уже третий раз.

Директриса рассказывала, что её гимназия – это гарант высокого уровня образования. И подготовка к олимпиадам, и преподаватели из университета для спецклассов. Мест для первоклашек только семьдесят, а заявлений уже подано пятьсот шестьдесят восемь.

Приказчикова Елизавета Петровна, так звали директрису – женщину немолодого возраста, призывала родителей, чьи дети по прописке не относятся к её гимназии, не терять время, а

подавать заявление в другие школы – по месту фактического жительства.

– Её гимназия! Ты слышишь, её! – орала в трубку мобильного телефона тощая Ленка, жена Димы, – Будто школы у нас теперь не государственные, а личные, карманные, у таких вот....

Дальше Ленка выражалась скверными словами в адрес Приказчиковой, потом отключала телефон, заряжала его и опять звонила очередной подружке, да заводила тот же разговор.

И знает Ленка, сколько она берёт, эта Приказчикова, и надо её на родительский суд, пусть за каждого принятого первоклассника отчитается. А то, говорят, уже и по прописке почти десять человек на место. А если не отчитается директриса перед Ленкой, так наказать всеобщим осуждением, или... или...

Ленка захлёбывалась в истеричном гневе, а баба Вера всё ждала, до чего же Ленка договорится, не до расстрела же.

Ленка всегда не говорила, а орала. Если не по телефону, то на детей – тринадцатилетнюю Соню и виновника этого хаоса – шустрого Артёма. Баба Вера и сама бы заорала. Артём без конца разбрасывал по квартире крошки от печенья, а Соня ходила по дому в огромных наушниках, что-то бормотала под нос и поглядывала на бабу Веру с брезгливостью

А ещё Ленка громко причитала о том, до чего её довели трудности – ютись вот в бабкиной малогабаритке всей семьей, жди проверок.

Ведь Приказчикова снарядила отряд проверяющих лиц. В их задачу входил обход квартир. Надо же убедиться, что первоклассник проживает по адресу прописки.

Ушлые жители домов начали прописывать к себе чужих первоклашек за деньги. Очень быстро детей, по месту жительства относящихся к школе, стало в разы больше, чем на самом деле. Вот Приказчикова и создала отряд добровольцев для проверок. Ребенок должен не просто быть прописанным в квартире, а жить в ней – есть, спать, в игрушки играть. И не только сам семилетка, но и родители.

О законности таких проверок никто не заикался, не станешь же

спорить накануне зачисления. Проще пожить месяц-другой по прописке.

Вот и живут теперь у бабы Веры в квартирке ещё четыре человека, покой её нарушают.

– Мы ненадолго, ба, – внук отвел глаза, когда без предупреждения завёз свое семейство.

Ещё бы, глаза отводит, стыдно, небось. Как спросить у бабки, не надо ли чего, так нет Димы по полгода. А как сына в школу пристроить, так вон чего.

– Почему это мы «ненадолго»? – повела плечиком Ленка, – Ты прописан здесь, дети тоже.

Она зыркнула на бабу Веру хитро, испытующе, мол, бабка, поняла?! Будешь недовольна, навсегда останемся.

Баба Вера не стала отвечать хамоватой молодухе, очень надо. Она горделиво вытянула шею и сжала губы.

«Молчать, – решила баба Вера, – Чем больше буду я молчать, тем быстрее всё закончится без ссор и скандалов. Придёт проверка, убедится, что будущий первоклашка Артем Зотов имеет право зачисления в гимназию, и семья внука уедет обратно, в свой спальный район».

Молчать и гулять – стало бабы Вериним спасением. Она оборачивала вокруг тела теплую шаль, надевала поверх неё толстое зимнее пальто, обувала старые боты на толстой тракторной подошве.

Внук неодобрительно качал головой:

– Куда пошла на ночь глядя?

– Что люди скажут? – шипела Ленка, – Что выгнали бабку из дому? Постыдились бы.

– Выгнали бабку, выгнали! – подпрыгивал Артёмка и крошил печенье на любимый бабы Верин ковер.

Соня зыркала недобро и демонстрировала бабе Вере презрение, как к затхлой вещи, что давно пора выбросить.

«За что их любить, за что?» – гневалась наедине с собой баба Вера, наматывая круги по двору и старательно обходя в темноте вырытую коммунальщиками яму. Не соскочить бы, там вон видно, что арматура торчит и строительная металлическая сетка. Упадешь в такую яму в темноте, никто и не заметит, не докричишься о помощи. Баба Вера передергивала всем телом, словно сбрасывая мысли о падении в тёмную яму, не обнесенную сигнальной лентой.

И снова возвращалась к своим рассуждениям: «Вот соседку с четвертого Ниночку есть за что любить. Славная, улыбчивая. Хоть всё время на бегу, а спросит как здоровье, не надо ли хлеба или в аптеку».

– Зайди ко мне на чай, – звала соседку баба Вера.

– Ой, спасибо! – улыбалась та в ответ, – Как-нибудь забегу.

Да не забегала, некогда ей, то младшенькую внучку на кружок проводить, то у сына в квартире газовщиков встретить. Только и мелькала её красная курточка во дворе.

– Конечно, ты молодая ещё, ничего у тебя не болит, чего бы тебе не бегать, – свысока своего возраста посматривала на Ниночку баба Вера.

– Да какая же я молодая, шестьдесят пять нынче, – отмахивалась соседка, – Суставы болят, давление прыгает, но как же дети-внуки без меня справятся, они работают, а я свободна. Помогать надо, двигаться.

«Шестьдесят пять – это не мои семьдесят четыре, – думала баба Вера, – Да и зачем помогать им? Это они мне помогать должны. И любить их не за что! Бросил сначала муж, потом сын в другой город уехал, никто не беспокоится о моей старости. Прописала по дурости внука с детьми к себе, когда Артемка родился. Думала, Дима благодарен всю жизнь будет. А ему как не было до бабки дела, так и нет.

Только теперь вспомнил, что квартира у неё в центре города. Не за что их любить. И коммунальщиков не за что. И директрису этой гимназии не за что. Устроила черт знает что с

поступлением в первый класс. Говорят, в институт проще попасть, чем в её гимназию»

Баба Вера считала шаги: семьсот шагов, восемьсот, тысяча. Здоровью польза! Прогулка вместо ванны. Пока воды горячей нет.

Елизавета Петровна Приказчикова, миловидная дама за пятьдесят с модным маникюром, молодежной стрижкой и в стильном брючном костюме, на первый взгляд казалась приятной женщиной, готовой выслушать и поддержать.

Именно это впечатление обмануло Серёгу, когда он устраивался на работу её личным водителем. Да, слышал, что Приказчикова – железная леди, с акульей хваткой, что не указ ей даже губернатор, не то, что областной министр образования. Но как-то не верил, что такие бабы бывают. Думал, преувеличивают. Но вот теперь убедился сам.

С отличным послужным списком сорокапятилетний Серёга, семь лет назад впервые женился на Светланке. Жена и заслала его на работу к Приказчиковой.

Светланка была на пятнадцать лет младше Серёги, но жизнь знала лучше – где, что, кому, когда надо дать, сказать, занести, чтобы хорошо устроиться, чтобы всё было в лучшем виде и главное – чтобы другие завидовали.

Вот сейчас Светланка приложила усилия, чтобы Серегу взяли на работу к Приказчиковой. Ведь это единственный способ устроить в отличную школу их дочку Лизочку.

Светланка считала, что самое сложное – договориться о собеседовании и научить Серёгу правильно себя подать. Она это сделала. Серёгу на работу взяли.

Теперь его дело было за малым – попросить Приказчикову зачислить Лизочку в первый класс. По блату, так сказать. Серёга, обожавший жену и дочку, на все был готов, лишь бы Светланка похвалила.

И теперь, когда срок составления списков первышей уже подошёл, всегда спокойная и приветливая Елизавета Петровна, вдруг показала своё железное нутро.

– Нет, Сергей, я не возьму вашу дочь в свою школу, – отрезала она, пока Серёга вёз начальницу утром в РОНО.

Он был уверен, что с директрисой уже сложились добрые отношения, ведь так старался угодить каждый день. Да и Светланка сказала, что заслужил, пора попросить.

– Не откажет, не бойся, – подбодрила Светланка ещё месяц назад.

Он и не побоялся, попросил. Первый раз Приказчикова не ответила, второй раз отвлеклась на телефонный звонок, в третий с удивлением глянула на Серёгу и коротко бросила «нет».

Серёга рассказал дома Светланке всё, как было. Глаза любимой потемнели от гнева.

– Проси, добивайся, мужик ты или нет, – оглушающе прошипела жена.

Серёга попросил ещё раз. Приказчикова попросила не задавать больше этот вопрос, своих решений она не меняет.

Тогда дома разразился скандал. Светланка требовала, чтобы Серёга устроил Лизочку в гимназию. Жене этот вопрос казался уже решенным, она ждала момент, чтобы похвастаться подружкам. А тут Серёга говорит, что ничего не выйдет. Как это без вариантов? Ты можешь для единственной дочери постараться?

Скандал Светланка завершила ультиматумом, сказанным тихим голосом, который напугал Серёгу больше всего:

– Или гимназия, или развод.

Это страшное слово «развод» весь день крутилось в голове Серёги, делая его мрачнее и решительнее. «Спрошу ещё раз Приказчикову, не убьет же она меня, – решился, – Или пусть хотя бы объяснит, почему не берет Лизочку».

Но директриса осталась при своём твердом «нет».

– Но понимаете, моя жена... она хочет... Почему «нет», скажите хотя бы? – пытался то ли объяснить сам, то ли получить

объяснения от Елизаветы Петровны Серёга, когда вёз директрису из РОНО в школу.

– Сергей, – голос Приказчиковой звучал холодно, – Вы водитель, вот и водите. Если рассчитывали приблизиться ко мне, чтобы устроить дочь в школу, то это было провальное решение. Так и передайте жене. Вашу дочь я в школу не возьму. Но вас так и быть за наглость не уволю, вы хороший водитель. Если молчите.

– Она же сказала, чтобы я тогда домой не возвращался, – промямлил Серёга и посмотрел на Елизавету Петровну растерянно.

Приказчикова равнодушно пожала плечами:

– Здесь вы на работе. Если что-то не устраивает, я найду на ваше место десяток желающих.

И тут Серёгу понесло. Он стукнул руками по рулю и высказал всё, что думал о директрисе:

– Вы... Да вы! Вы же жизнь чужую рушите! Семью рушите! Да я сам тогда уволюсь!

– На здоровье! Отвезите меня в школу, и можете быть свободным.

За всю дорогу Приказчикова не проронила больше ни слова, хоть Серега вёл машину дёргано – то газовал, то резко тормозил, то руль выкручивал. Он вымещал на машине тихую истерику.

Что теперь он скажет дома? Мало того, что Лизу в школу не устроил, ещё и с работы уволили. Что же делать? Прощения просить у Приказчиковой? А это поможет? Лизу в школу она не возьмет, на работе тоже не факт что оставит. Или попробовать? Или может другую хорошую школу для Лизы найти? Что же он раньше не подумал?

Хотя... В другой школе тоже конкурс и свой директор-самодур. Или Приказчикова одна такая? Наверное, одна. Считает себя правительницей гимназии. А что если? Если в гимназии будет другой директор! Тогда Лизу возьмут в гимназию на следующий год? Может быть, это успокоит Светланку?

«О чём я думаю? – остановил мысли Серёга, – Какая разница, кто

директор? Я запутался совсем. Одно ясно – Светланка подаст на развод, а всё из-за Приказчиковой! Посмотрите на неё! Решает она судьбы! Тоже мне царица!»

Серёга ненавидел Приказчикову так, что не хватало воздуха для вдоха. С этими кипящим адом в голове он подъехал к заднему двору школы. Обычно ждал, пока Елизавета Петровна выйдет из машины. Сейчас же Серёга вышел первым.

– Ссссука, – процедил он и со всей силы толкнул дверцу автомобиля так, что, казалось, та влетит в салон всем корпусом.

«Уходить, так как мужик, – решил он, – А не как щенок!»

И Светланке он теперь скажет, что сам ушел.

В кабинете Елизаветы Петровны висел плакат Императрицы Елизаветы I, властной и могущественной правительницы Российской империи. Она осталась в памяти потомков, как уверенная и разумная глава государства, которая долгие годы сдерживала войны, умела налаживать отношения с противниками и с союзниками, и первая создала государственный банк.

Приказчикова тоже создала вокруг себя империю. Из обычной районной школы за годы главенствования Елизаветы Петровны школа стала лучшей в области и получила статус гимназии.

Директор так построила отношения с министерствами и с самим губернатором, что с ней никто никогда не спорил. Ученики гимназии показывали высокие результаты на олимпиадах, выигрывали творческие конкурсы и эстафеты, а выпускники поступали в лучшие ВУЗы страны. Этим гордился не только город, но и каждый глава области, каких на веку Приказчиковой сменилось много. Отчитываясь наверху за социальную сферу, любой губернатор знал, что успехи гимназистов Приказчиковой – это дополнительный плюс к федеральным дотациям на будущий год.

Попасть в гимназию Приказчиковой было делом почти невозможным. Для отвода глаз директриса все-таки брала нескольких первоклассников по месту жительства. Но основная масса – это дети тех родителей, что могут быть полезны школе. В первую очередь финансово.

Подношения, исчисляемые суммами с несколькими нулями, перечислялись благотворительными взносами в фонд гимназии. Деньги использовали на внедрение новых технологий образования, выплаты премий лучшим учителям, оснащение классов современным оборудованием и техникой. И себя Елизавета Петровна не обижала, премии выписывала через завуча Ирину Михайловну, с которой работала много лет.

Благотворительный фонд Приказчикова про себя именovala «имперским банком» и считала, что в этом тоже похожа на далекую соотечественницу – дочь Великого Петра.

Чтобы создать видимость демократии Елизавета Петровна после поездки в РОНО приняла группу активных родителей во главе с нервным папашей.

Директриса терпеливо выслушала гневные высказывания родителей, улыбнулась, развела руками. Она заверила, что делает даже невозможное, чтобы школа приняла всех желающих, но сами понимаете, мест всего семьдесят, заявлений уже пятьсот шестьдесят восемь. С этим Приказчикова ничего не может поделать.

Группа активистов осталась недовольна, звучали неприятные слова и угрозы. Приказчикова пропускала это мимо ушей. Она привыкла к заискивающим мамочкам, к давящим на жалость бабулям, к истеричным папам, которые трясли перед её лицом дорогими телефонами и клялись позвонить «туда», чтобы дал указание «сам».

Елизавета Петровна за годы властвования научилась не реагировать на давление и угрозы. Сегодня она не позволила разгуляться скандалу и после нескольких просьб к родителям покинуть стены школы, позвонила на пост охраны.

– Завтра здесь будет не пятьсот человек, – покачала головой

завуч Ирина Михайловна, – Завтра придёт вся тысяча. Набегут ещё те, кто проспал подачу заявления он-лайн, и надеется решить вопрос через живую очередь.

– Уже почти сегодня, Ирина, – Елизавета Петровна глянула на часы, – Через четыре часа стукнет полночь, и они встанут к стенам гимназии, чтобы отмечаться по номерам на руке. А сейчас давай-ка по домам. Завтра нам снова в бой.

Ирина Михайловна горько усмехнулась и поспешила покинуть стены учебного заведения.

Этим вечером баба Вера вернулась с прогулки раньше обычного времени. На улице потеплело и воздух стал влажным. Тёплая шаль под толстым пальто казалась лишней и потяжелевшей, и слишком сильно сдавливала грудь.

Дома было непривычно тихо.

Баба Вера заглянула сначала в комнату Димы и его семьи. Артём смотрел мультфильм на планшете, Соня сидела перед компьютером. Баба Вера прошла к кухне, очень хотелось пить.

Кухонная дверь хоть и была закрыта плотнее обычного, но голоса разобрать было можно.

– И Соню тогда сможем перевести, – Ленка вопреки себе не орала, а спокойно говорила.

Баба Вера прислушалась.

– Какая разница бабке, где жить, – продолжала Ленка, – Наш район тоже хороший. И зачем ей две комнаты, сам посуди.

У бабы Веры похолодели кончики пальцев на руках, а ноги будто отнялись. Вот оно! Вот то, чего она боялась! Они захотят выселить её на околицу, а сами займут эту квартиру.

Словно услышав бабы Верины мысли, Ленка продолжала:

– В центре живет, как барыня! А мы что? А дети?

– А что мы? – раздался голос Димы.

– А мы на окраине. А тут удобнее, детям в хорошую школу пешком можно ходить, – Ленка говорила даже ласково, не просто спокойно.

– Чего ты от меня хочешь?

– Поговори с ней, Димасик, – промурлыкала хитрюга.

– Что я ей скажу?

– Ну, Димочка, ну, хорошенький, ты же такой умный, и это твоя бабушка, найди слова, – продолжала ластиться Ленка.

За дверью кухни слышались шорохи, тихое Ленкино хихиканье и громкий вздох Димы.

– Ладно, ладно, – прозвучал его мягкий голос, – Что–нибудь придумаю.

Сердце бабы Веры начало отсчитывать пульс в висках. Она прислонилась на мгновение к стене, но тотчас вздрогнула и ринулась в коридор. Там быстро накинула пальто, сунула ноги в боты и выскочила в подъезд.

«Господи! За что это мне! Выживут из квартиры! – мысли в её голове тикали в такт бьющемуся сердцу. – Да что же за напасть такая! Школа эта, будь она проклята! Директриса эта, будь она неладна! Ленка – дрянь, своего добьется!»

Баба Вера медленно спускалась по лестнице, когда навстречу ей попала соседка Ниночка.

– Вера Сергеевна, а чего пешком?

– Тренируюсь, – сдавленно ответила баба Вера и прислонилась спиной к стене.

– Может проводить вас, вы что-то бледненькая, – озаботилась соседка.

– Нет, нет, ты иди, все хорошо. Давление последние дни шалит, надо прогуляться, – ответила баба Вера притворно бодро.

– Да, погоду вон как крутит, то мороз, то оттепель. Вы аккуратнее тренируйтесь с давлением –то, – улыбнулась Нина.

Баба Вера кивнула и пошагала вниз. Надо остыть. Хоть и поздно

уже для прогулок, но после подслушанного разговора дома оставаться нельзя. Надо подумать, что отвечать Диме и самое главное – как выселить родственников из квартиры.

Через полчаса после Ирины Михайловны Приказчикова тоже вышла из гимназии на задний двор. Там она обычно садилась в служебную машину, и Сергей отвозил её домой. Они проезжали дворами, чтобы не встречаться с толпой родителей, осаждавших входные ворота школы.

Сегодня ни Сергея, ни машины Елизавета Петровна не обнаружила. Она осмотрелась по сторонам, увидела служебную машину за трансформаторной будкой, подошла к ней, заглянула внутрь.

Сергея в машине не было. Елизавета Петровна дернула ручку автомобиля, дверца не поддалась.

Тогда Приказчикова набрала номер мобильного водителя, телефон ответил длинными гудками.

Елизавета Петровна недоуменно оглянулась вокруг. Темный задний школьный двор, на улице поодаль светят тусклые фонари, вечер промозглый и неуютный.

Директриса передернула плечами и вернулась в школу.

– Где водитель? – спросила она у дежурного охранника.

– Серёга? – охранник растерянно глянул на неё.

– Ну а кто? – раздраженно бросила Елизавета Петровна.

– Сказал, что уволился, ключи оставил и ушёл.

– Как уволился? Когда? – поразилась Приказчикова.

– После обеда.

Елизавета Петровна вспомнила конфликт с водителем по дороге из РОНО. Точно, она же сама его уволила. А он хлопнул дверью и сказал что-то мерзкое. Придётся ехать домой на такси.

Елизавета Петровна через запасной выход снова вышла на задний двор школы и вызвала такси.

– Пусть подъедет к восемнадцатому дому, он стоит торцом к

школе, – сказала она диспетчеру и пошла в сторону соседнего двора. К дому, где проживала баба Вера с новоявленной семьей.

Когда Елизавета Петровна уже прошла половину пути, она сначала увидела, а потом и вспомнила, что проход к дому теперь перегорожен огромной ямой, вырытой коммунальщиками. И чтобы подойти к торцу дома, яму придется обойти.

«Лишь бы таксист дождался, пока я тут гонкой по пересеченной местности занимаюсь, – подумала Елизавета Петровна и на всякий случай достала телефон из сумочки, – Если позвонит, скажу, чтобы ждал».

Елизавета Петровна смотрела одним глазом на поворот, откуда должно приехать такси, другим глазом – под ноги, старалась не испачкаться. Её одежда и обувь были годны лишь для перемещения на машине, поэтому идти приходилось медленно, выбирая скользкие участки почвы под ногами.

«Да что за ужас тут устроили? – выдохнула она возмущенно, – Везде бардак! Нигде порядка нет!»

Огонёк такси мигнул на повороте при въезде во двор. Елизавета Петровна увидела его и ускорила шаг, как только могла.

Всё внимание она сосредоточила на телефоне, который сжимала в руке. Вот сейчас придёт смс, что машина ждёт, в ней будет телефон для связи с водителем.

Приказчикова позвонит ему и попросит подъехать поближе или хотя бы подождать не положенные десять минут, а пока она проберётся к машине.

Ноги разъезжались на скользкой глине, смс все не приходило, а огонёк такси желанным маячком манил к себе и казался таким недостижимым.

На секунду Елизавета Петровна глянула вниз. Бездонная яма зияла устрашающей темнотой, от которой хотелось отпрянуть.

– Лучше держаться подальше от края, – подбодрила себя директриса и нервно повела плечами, словно стряхнула то ли холод, то ли предчувствие.

Больше Елизавету Петровну никто не видел.

Когда Тумаков сказал, что сейчас начнется, он не преувеличивал.

Труп Приказчиковой, обнаруженный на дне ямы, означал лишь одно – дело получит резонанс на уровне области. Фигура директрисы в городе известна, репутация у Елизаветы Петровны – неоднозначная. Её боготворили и ненавидели.

Дело оставили Тумакову, он слыл профессионалом, честным и дотошным. В паре с Емелиным, отличавшимся цепким взглядом, аналитическим умом и способностью разговорить любого свидетеля, Тумаков работал уже не первый год, и раскрываемость была почти стопроцентная.

Ясно, что к расследованию подключатся сверху. Придётся действовать так, чтобы указания не нарушать и погон не лишиться. А ещё, чтобы ради демонстрации не посадить за решётку невиновного.

– Может, несчастный случай, – выразил надежду Емелин.

– Даже не надейся, – усмехнулся Тумаков, – Хотя если так, то это тем более надо доказать. Иначе нам вменят в вину то, что мы спустили дело на тормозах, прикрыв несчастным случаем.

– Ты хотя бы представляешь, сколько подозреваемых? – спросил Емелин и кивнул на стопку протоколов опроса, которые уже провел сам и другие опера, – И это мы пока не вскрыли её электронные переписки.

– Я бы так вопрос не ставил, Емеля, – танцуй от реалий, а не от виртуалий. Что мы имеем?

А имели они Серёгу – Сергея Мальцева, водителя Приказчиковой. Именно его сегодня предъявили прессе, как главного подозреваемого.

Журналисты требовали от следователей ответа, ведь город уже полнился невероятными историями о смерти директрисы. Среди версий, гуляющих в народе, было мнение о романе между Серёгой

и Приказчиковой и их конфликте на почве личных отношений. О нём стало известно от охранника школы.

Распечатка звонков мобильного Елизаветы Петровны показала, что предпоследний звонок она сделала Серёге, а последним был вызов такси.

Таксист подтвердил, что подъехал к торцу дома номер восемнадцать, ждал пассажира положенные десять минут, потом позвонил диспетчеру, чтобы уточнить адрес и номер телефона пассажира. Позвонил пассажиру на мобильный, тот не ответил. Водитель подождал ещё немного и уехал.

Мобильный телефон Приказчиковой обнаружили разряженным и втоптаным в глину около ямы.

Вероятнее всего, он выпал из рук директрисы, когда ту столкнули вниз. Было темно, и преступник не заметил, как наступил на телефон и раздавил пластиковый чехол.

Андрюха – эксперт– криминалист – собрал обломки и отметил, что небольшого куска от чехла цвета «под золото» не хватает.

Серёга, сонный, помятый и босой сидел в КПЗ. Ботинки изъяли для экспертизы.

Он не помнил вчерашний вечер.

Вернее, помнил до момента, как после своего демонстративного увольнения шёл по городу. Ему было горько и обидно. А потом он встретил одноклассника Лешего. Дальше воспоминания словно стёрлись. Вроде пошли куда-то. Вроде пили.

Пока Серёга бродил по городу, думал, как всё рассказать Светланке. Мало того, что Лизу в школу не устроил, теперь ещё и безработный.

Ноги сами вынесли Серёгу к общежитию автомобильного техникума, в котором он учился, да так и не закончил.

Серёга сел на лавочку во дворе и стал наблюдать за молодыми студентами. Веселые, разбитные, уверенные в себе, они курили и сплевывали через сжатые зубы, хвастались чем-то друг перед

другом, флиртовали с девчонками.

Столько жизни, столько энергии, кипучей и дерзкой, было в этих парнях, что Серёге стало себя невыносимо жалко. Где его юность? Где его сила?! До чего он докатился, слабак и подкаблучник! Серёга смахнул слезу.

И тут его окликнули. То был однокурсник Серёги – Леший.

Только сейчас это был постаревший, обрюзгший мужик без ноги. Леший сел рядом на скамейку. И Серёга не заметил, как рассказал ему всё – и про Светланку, и про директрису, и про свою жизнь потерянную.

– Надо залить, – авторитетно заявил Леший и кивнул на общагу. Здесь он работал завхозом.

– Не, я за рулем же, – привычно откликнулся Серёга.

Но вспомнил вдруг, что он больше не за рулем. Жалость снова накатила удушающей волной.

Больше Серёга про вчерашний вечер ничего не помнил. И ответить на вопросы Емелина не мог.

Ответил Леший, тоже вызванный на допрос.

– Пошли ко мне в каморку и бухали, – сказал он, – Потом спать легли.

– Гражданин Лешаков, вы можете подтвердить, что гражданин Мальцев Сергей Леонидович всю ночь спал в вашей каморке и никуда не выходил? – спросил Емелин, стараясь не вдыхать воздух как можно дольше. Казалось, что перегар Лешего заполнил собой всю контору, а не только кабинет оперативника.

– Вроде да, – пожал плечами Леший.

– Идите, – Емелин хотел, как можно скорее отделаться от Лешего.

Всё равно по камерам, установленным по периметру и на входе в общагу, уже всё определили. Мальцев и Лешаков действительно, как зашли вечером внутрь, так и не выходили.

Уже были опрошены и комендантша, и дворник. Все подтвердили одно – алкаши проклятые пили всю ночь, кричали, пели, по

коридору шарахались. В этом виновны. Но из общаги не выходили. Всё равно выпускать сейчас Мальцева нельзя, несмотря на алиби. Он – прикрытие для общественности и прессы.

И есть всего три дня, чтобы найти настоящего преступника. Иначе придётся предъявлять незаконное обвинение Мальцеву, чтобы сделать вид, что розыск не спустили на тормозах.

А Емелин против незаконных методов. Тут они с Тумаковым всегда принципиальны.

Опросить всех подозреваемых, казалось, просто невозможно. Уж очень многие испытывали неприязнь к Елизавете Петровне.

Тут и родители будущих первоклассников, особенно рьяно выступающие против методов Приказчиковой, и коллеги из школ-конкурентов, которые кто явно, а кто скрытно вступали в конфликты с удачливой и обласканной властью директрисой. Да и сама власть в лице разных официальных лиц тоже была под подозрением.

В помощь для проведения опросов были выделены лучшие силы отделения. К концу первого дня вывод появился лишь один – подозревать можно всех.

– Я бы так вопрос не ставил, – задумчиво сказал коронную фразу Тумаков, когда криминалист Андрюха пришел с докладом об экспертизе почвы, снятой с ботинок Сереги.

Экспертиза подтвердила, что следы глинистой почвы, рассыпанной по краям ямы, на ботинках Сергея Мальцева есть, но поверх них ещё есть следы грязи такой же, как и на ботинке одноногого Лешакова. То есть Мальцев около ямы ходил, но потом глина основательно скрылась под другой грязью. А раз Сергей работал в школе рядом с ямой, то следы глины вполне объяснимы.

– Он мог потом долго топтаться у общежития специально, – продолжил Тумаков.

– Проверили по камерам общежития, не топтался, – ответил Емелин, – Сидел на лавке, потом вошел в здание, всё. Оттуда мы его вывозили на машине уже без ботинок.

– Эта глина на подошве вообще не показатель причастности, –

сказал Андрюха.

– Да, понятно, понятно, – кивнул Тумаков, – Полрайона около этой ямы ходит. Кстати, почему яма на время ремонта не была обнесена сигнальной лентой?

Емелин пожал плечами и хмыкнул.

– А почему она вообще была? В феврале.

– Прав, прав, – кивнул Тумков, – Вопросы к коммунальщикам, согласен. Ну, им тоже сейчас несладко за эту горячую воду, которую опять отключили. И за ремонт несладко.

– Надо искать кусок осколка от чехла телефона, – высказал свою версию криминалист, – Человек, который наступил на телефон, мог что-то видеть. На время ремонта по просьбе коммунальщиков камеры во дворе отключили, чтобы утечки информации о текущем состоянии дел не было. Значит, надо искать по старинке.

– Чутьем и нюхом, – развёл руками Емелин.

– А почему ты думаешь, что этот человек не толкнул Приказчикову? – обратился Тумаков к Андрюхе.

– Я уже говорил, что придерживаюсь версии несчастного случая. Следы скатывания тела в яму говорят о том, что Приказчикова сама упала. Следов насилия на теле не обнаружено. Хотя толчок и не оставит следов на теле человека в зимней одежде. Умерла она не сразу, была какое-то время жива, пыталась встать. Это её и сгубило. При травме позвоночника шевелиться нельзя. Смерть наступила от этой травмы и переохлаждения вследствие несчастного случая. Вот мой вердикт.

– Несчастный случай мы могли бы признать в любой другой раз, но не в этот, – сказал Тумаков, – Пресса нас раскатает, жители города в порошок сотрут, а начальство потребует конкретного виновного. Иначе все решат, что мы, лентяи и дармоеды, сидим на шее налогоплательщиков.

– Поэтому и надо найти человека, который наступил на телефон, он может быть свидетелем несчастного случая, – сделал вывод Андрюха.

– Это может быть кто угодно, здесь полгорода потопталось за последний день, – вставил Емелин.

– Я бы так вопрос не ставил, – Тумаков почесал нос кончиком карандаша, – Чужие не пойдут по грязи вдоль опасной ямы. Скорее всего, это жители ближайших домов.

– А точнее одного дома, – подхватил его мысль Емелин, – Восемнадцатого.

– С него и начни, – ткнул карандашом в Емелина Тумаков.

– Так опрашивали уже, – без энтузиазма ответил Емелин.

– Емеля! Кто опрашивал? Ты?

Емелин отрицательно покачал головой.

– Вот! – назидательно кивнул Тумаков, – Опрашивали опера-помощники. Подними все протоколы, и самых подозрительных людей опроси ещё раз. А я пока буду начальство и власть сдерживать. Давай, не подведи. Сутки максимум тебе. Потом докладываться надо, выпускаем Мальцева или предъявляем обвинение.

Емелин кивнул и вышел из кабинета начальства. Надо выпить кофе, все равно спать сегодня не придётся.

В тот вечер баба Вера вернулась домой с шумящей головой, в висках стучало, глаза чесались, словно в них насыпали песок. Черт дернул её бежать из дома после подслушанного разговора между Димой и Ленкой. Правильно соседка Ниночка сказала, нечего тренироваться, когда давление шалит. Да ещё весь этот ужас от пережитого. Стресс за стрессом, как тут не подпрыгнуть давлению.

«Правильно я поступила, – рассуждала про себя баба Вера, – Не буду больше об этом думать».

Баба Вера долго не могла попасть петелькой от пальто на крючок вешалки, повесила за капюшон. Сняла выпачканные глиной ботинки и оставила их у двери.

«Стекут пусть, завтра вымою, всё равно воды горячей нет», – подумала мимоходом баба Вера.

Она тихо скользнула в ванную комнату, брызнула ледяной водой на лицо.

«Может, не поздно ещё, может позвонить? — мысли кружили хоровод в голове бабы Веры, — Нет, нет, уже поздно. Я ничего не сделала и не виновата в том, что яма. И я не хочу, чтобы Дима тут жил со своим выводком. Их не за что любить. И её не за что. Это она ад в моей жизни устроила. И не только в моей».

Мысли метались, пока баба Вера, сама того не замечая, намыливала руки и тёрла их, снова намыливала и тёрла, потом ополаскивала руки и снова намыливала.

«Или позвонить все-таки? В Скорую или в полицию? Нет, нет!».

Баба Вера выключила воду, придирчиво осмотрела тыльную сторону правой руки, перевернула ладонь вверх, согнула пальцы и рассмотрела каждый ноготь. Все чисто.

Следующим утром баба Вера поднялась спозаранок. Ей хотелось снова пойти на улицу, посмотреть, что там происходит. Она быстро накинула пальто, сунула ноги в ботинки. Вчерашняя глина на них засохла, да и ладно.

«Сейчас прогуляюсь, потом помою», — подумала баба Вера, когда наклонилась, чтобы застегнуть молнию. Выпрямившись, она снова почувствовала шум в ушах.

«Пройдусь, полегчает», — решила старуха и вышла из квартиры.

К утру Емелин выбрал несколько человек, кого хотел опросить ещё раз. Среди них была и Нина Семёнова, соседка бабы Веры. Емелин решил не откладывать и пошёл к дому номер восемнадцать рано утром. По дороге он хотел снова осмотреть местность.

Злополучную яму, теперь огороженную сигнальной лентой, охраняли районные полицейские. Выведенные в ночную смену коммунальщики уже закончили работу, и сейчас засыпали яму

землём.

Емелин подошёл к тому краю, откуда упала или столкнули позавчера директрису.

Сыскарь взглядом обводил округу, чтобы понимать, откуда и что могло быть видно в тот поздний вечер. Ему надо уточнить у Нины несколько моментов. Ведь это её яркую курточку отметили почти все соседи, которые давали показания оперативникам.

Емелин поднял голову, чтобы посмотреть, как расположены камеры наружного наблюдения. От них проку всё равно никакого, отключены на время ремонта теплотрассы, это уже проверили. Но всё же что — то заставило его снова присмотреться к видеонаблюдению.

Чутьё не подвело. Серые массивные камеры висели на соседних домах и на столбе. Они располагались так, чтобы охватить обзором двор, въезд, дорогу между школой и домом.

И вдруг намётанный взгляд Емелина выхватил маленький выпуклый глаз с белым непромокаемым козырьком. Эта миниатюрная камера была прицеплена под самым фонарем и почти не заметна.

Что это? Несанкционированное наблюдение? Выглядит как самоделка. Кто её повесил? Надо срочно уточнить. Ведь если она работает и пишет, то запись даст ответ на все вопросы о трагедии.

Емелин позвонил в отдел и дал распоряжение оперу срочно найти владельца камеры и изъять видеозапись.

Нина открыла дверь сразу после звонка. Она стояла у порога одетая в ту самую курточку. Выглядела Нина приветливо и спокойно.

— Да, я в тот вечер несколько раз бегала мимо ямы, там короче к внучке. Не видела ничего подозрительного, — ответила Нина на вопрос Емелина, — Спрашивали ведь уже, я всё рассказала.

— Да, спрашивали. Вы извините, что снова беспокоим. Тогда вас другой оперативник опрашивал, я просто уточнить хочу. Многие соседи сказали, что вас часто видят во дворе, на улице, в подъезде.

Нина кивнула.

– У меня трое детей, семь внуков и три правнучки. Я всем помогаю, одного в садик, другого из школы, третьего на кружок. Вся моя жизнь по расписанию. Извините, мне и сейчас некогда, надо в аптеку, правнучка заболела, невестка лекарства просила купить. Вы спросите конкретно, что вам надо. И я побегу.

– Хорошо, – согласился Емелин, – Пожалуйста, припомните, было в тот вечер что-то необычное, кого-то встретили, с кем-то поговорили, что-то увидели.

Нина пожала плечами.

– Вроде нет. Хотя, – она призадумалась, – Знаете, в тот вечер мне соседка Вера Сергеевна попалась на лестнице. Она обычно на лифте ездит, а тут пешком.

– Вы разговаривали с ней?

– Ну да, – Нина замолкла, припоминая ту встречу, – Знаете, что мне показалось странным? Она обычно днём гуляет и на лифте ездит. А тут по лестнице спускается. Темно уже на улице, а она прогуляться пошла.

– То есть вы уверены, что ваша соседка в тот вечер вышла на прогулку вечером второй раз?

– Не то, чтобы я уверена. Мне кажется, я её видела чуть раньше, она ходила вокруг дома. Баба Вера обычно ходит и шаги считает. Хотя, – Нина махнула рукой, – Может, я с другим днём путаю.

– Но почему-то это пришло вам в голову сейчас, когда я попросил припомнить необычное, – подталкивал её к воспоминаниям Емелин.

– Знаете, да, – вдруг уверенно сказала Нина, – Она выглядела уставшей, растерянной и бледной. А когда я её спросила, почему не на лифте, а пешком, Вера Сергеевна ответила, что тренируется. И при этом пожаловалась на высокое давление. Я ещё пожелала ей аккуратнее тренироваться с давлением.

– В какой квартире живет Вера Сергеевна?

– Надо мной, в сорок пятой. Если это всё, то побегу, невестка ждёт.

– Конечно, конечно, – Емелин вышел из квартиры вместе с

моложавой Ниной и подивился, как легко и стремительно та побежала вниз по лестнице.

«В протоколе написано 65 лет, – удивился он, – Мне б дожить! Не то, чтобы так бегать».

Емелин пошёл на следующий этаж по ступенькам, теперь надо поговорить с Верой Сергеевной. Вдруг что-то видела или знает, раз выходила тогда на прогулку.

На его звонок в дверь никто не ответил. Придётся вернуться вечером.

Емелин, подражая легкой походке Нины, вприпрыжку начал спускаться по лестнице вниз, но у него сразу заныла спина и заломило колено.

Он горько усмехнулся и согнулся, чтобы облегчить боль, когда его внимание на одной из ступеней привлёк кусок запекшейся глины, неестественно поблескивающий золотом. Емелин поднял со ступеньки кусок сухой грязи, которая по всей вероятности отпала от чьей-то подошвы. В кусок запечатался и засох пластиковый обломок золоченого цвета. Такого же, как сломанный чехол телефона Приказчиковой.

В это время по другую сторону двери, в которую только что пытался попасть Емелин, стояла баба Вера с побелевшими губами. Она возвращалась из магазина, когда Емелин звонил в Нинину дверь, и слышала, как он представился.

«Я ничего не сделала», – билась в голове бабы Веры единственная мысль.

И тут она словно услышала голос бывшего мужа, который когда-то работал следователем: «За оставление человека в опасности, грозящей жизни и здоровью, положен уголовный срок. Ты могла помочь этой бабе, когда увидела её в яме. А ты обряды совершала, да еще приговаривала «Все там будем».

«Теперь меня точно посадят, – подумала баба Вера, – Теперь точно».

Емелин отдал кусок грязи с пластиковым обломком Андрюхе и попросил быстро дать ответ о причастности к чехлу телефона Приказчиковой. Сам же побежал к оперу, которого просил найти хозяина маленькой камеры-глазка.

Опер не подвел. Он уже узнал, что камера установлена ТСЖ для контроля за вывозом мусора и шлагбаумом.

Андрюха обещал ответить по обломку через пару часов, поэтому Емелин решил, что не пойдет сейчас с докладом к Тумакову, а сначала сбегает в ТСЖ, попробует поднять видеозапись. И уж потом всё разом расскажет Тумакову.

К обеду у Емелина была запись с камеры видеонаблюдения, которую он забрал у начальника ТСЖ. Тот сначала отпирался, отказывался от камеры. Но когда узнал, что ему за это ничего не будет, и Емелин поспособствует в выдаче разрешения на видеонаблюдение, отдал запись.

Андрюха дал положительный ответ по обломку – да, это есть утерянная часть от чехла. Беглый осмотр записи с камеры ответил на главные вопросы.

Чрезвычайно довольный собой Емелин, пошел с докладом к Тумакову.

– Я знаю, кто виноват в гибели Приказчиковой, – весело сказал он.

Но Тумаков не разделал его энтузиазм. Он выглядел мрачным.

– Виноватых быть не должно, – выдал ответ Тумаков.

– Как это? – изумился Емелин.

– То есть они есть, но обтекаемо. А официально – несчастный случай.

– Ты чего это? – удивился Емелин, – И какие это виноватые могут быть обтекаемо?

– Пришел тот час, Емеля, которого я боялся, – непонятно ответил Тумков.

– Давай по порядку, – Емелин отодвинул стул и сел напротив

начальника.

Тумаков рассказал, что два ведомства – Министерство образования и коммунальщики сцепились между собой из-за смерти Приказчиковой. Вина коммунальщиков очевидна, и им нельзя спускать с рук трагическое происшествие. Но вина косвенная, как ни крути.

– Речь о деньгах, о дотациях из федерального бюджета в область. Если коммунальщиков накажут, то не видать им бабосов. Тогда этот денежный кусок перепадет образованию. Все просто, Емеля, – мрачно сказал Тумаков, – И самое пошлое в этом то, что я не только не смог ничего доказать, но не сумел даже положенного законом времени выпросить. Мне просто отдали приказ. И впервые в жизни мне нечем было крыть, Женёк!

От этого «Женёк» Емелин поморщился. Но Тумаков не заметил.

– Я всегда знал, что этот час настанет. Будет случай, по которому мне отдадут приказ. И тогда мне останется одно – встать и уйти со службы, чтобы не прогибаться. Иначе выйдет, что я предал себя, предал тебя, предал дело, – заключил Тумаков.

– Я бы так вопрос не ставил, – передразнил Тумакова Емелин.

Тот вскинул на Емелина опустошенный взгляд.

– Дело в том, начальник, что это и был несчастный случай.

Емелин показал запись видеонаблюдения с камеры ТСЖ. На ней было видно, как Приказчикова оступается и соскальзывает в яму. Рядом никого.

– Соскальзывает так, словно её затягивает, – сказал Тумаков.

– Съёмка замедленная, вот и кажется, что затягивает, – пожал плечами Емелин.

– Нет, Женёк, её система затягивает. В своё нутро прожорливое, как в чёрную дыру, – Тумаков поёжился.

– Да ты поэт, начальник, – усмехнулся Емелин, – Дальше смотри.

На записи было видно, что чуть позже к яме подходит баба Вера. Она пару минут стоит над ямой и смотрит вниз. Потом поднимает горсть земли и кидает в яму, потом ещё и ещё.

– Что она делает? – спросил обалдевший Тумаков.

– Кто бы её знал, может систему хоронит, – подмигнул Емелин.

– Так пойди и спроси, – голос Тумакова звучал привычно уверенно.

– Слушаюсь, мой генерал, – козырнул Емелин, – И знаешь что?

Тумаков поднял на него вопросительный взгляд. Он уже успокоился, лицо посветлело.

– Не зови меня «Женёк», ладно? – Емелин скривился, – Не по-нашему это как-то!

– Иди уже, Емеля! Выпусти Мальцева и поговори с бабкой.

Тумаков махнул рукой, а Емелин бойко развернулся к двери.

Серёгу у ворот встречала Светланка. Сначала она не узнала мужа – впалые щеки, отстранённый взгляд, не поцеловал при встрече. Ну, сейчас, она ему задаст.

– Вот что, муженёк, – Светланка упёрла руки в бока, встала перед Серёгой и увеличила децибелы, – Ладно, Лизу в школу не пристроил, сам без работы остался, но муж– уголовник, это знаешь ли! Кому такой муж нужен? А?! Ты о Лизке подумал? Отец-уголовник! И что у тебя с директрисой было, а? Весь город об этом жужжит.

Серёга глянул на неё так, что у Светланки внутри похолодело, а язык стал тяжёлым, словно чугунный утюг.

– Вот что, Светка, – глухо сказал он, и у Светланки подкосились колени. Он никогда не называл её так грубо.

– Хотела развода, будет развод, – рубанул Серёга.

– Как? Какой развод? – Светланка ещё не решила для себя, что

хуже – муж-уголовник или никакого мужа. Что выгоднее? Чтобы тебя жалели, как жену уголовника или как разведёнку?

– Какой развод? – завела было Светлана истерику.

Но Серёга отодвинул её с дороги и пошел прочь.

– Серёжа! – срывающимся голосом крикнула Светлана.

Но Серёга даже не обернулся.

Баба Вера убедила себя: никто не докажет, что она оставила Приказчикову умирать в яме, хотя могла вызвать Скорую помощь. И бояться ей нечего, главное держаться уверенно, если спросят. Сама она сознаваться не пойдёт.

Старуха принимала пенную ванну. Наконец-то дали горячую воду. Даже слишком горячую. Такая бывает лишь при испытаниях. Поток из крана с красной головкой шпарил щедрым потоком. Его едва удалось разбавить струйкой холодной воды, которая текла, как обычно.

«Я сама себе созналась, что поступила неправильно. Я каюсь, надо было помочь. А раз я раскаялась, значит, я не виновата. Главное ведь себе признаться, – думала баба Вера, – И эта директриса, в конце концов, сама виновата, зачем полезла через яму».

Бабе Вере, как в тот миг, слышался тихий хрип директрисы: «Помогите! Там телефон! Вызовите Скорую!»

Тогда баба Вера представила, что если директриса умрёт в этой яме, то Дима и его семейка съедут с квартиры. И у неё снова наступит спокойная жизнь.

А если сейчас помочь Приказчиковой, то весь ужас не остановится. Даже станет ещё страшнее. Дима и Ленка выселят её в какую-нибудь старую квартиру в дальнем районе. Или того хуже – в деревню. Или просто выгонят на улицу. Она читала, что стариков так лишают жилья «добрые» родственники.

В тот страшный момент баба Вера видела в яме не живого человека, а свой кошмар последних дней. Она подняла горсть земли и кинула в яму, потом ещё и ещё. Трижды кинула, как по обряду положено. Баба Вера хоронила свою панику, которая парализовала мозг, страх остаться без жилья, ненависть к удушающей жизни с семьёй внука. С каждой горстью становилось спокойнее, животный испуг отступал. Будто разом покончила с проблемами, присыпав их наспех землёй. Потом повернулась и услышала, как что-то хрустнуло под ботинком, но не стала наклоняться, голова и так шумела. Просто пошла быстрым шагом прочь.

Баба Вера сейчас убедила себя окончательно, что всё сделала правильно. А за неправильное раскаялась. Всё, точка. Можно расслабиться.

Вода вот только уж очень горячая. Баба Вера потянулась к крану с холодной водой, когда услышала звонок в дверь.

– Старший лейтенант полиции Емелин, – послышался мужской голос в коридоре, – Могу поговорить с Зотовой Верой Сергеевной?

– Конечно, проходите. Она в ванной, сейчас позову, – откликнулась Ленка.

– Не надо, я подожду. Можно пока с вами побеседовать? – спросил Емелин.

– Да, пойдите на кухню, в комнате дети, – ответила Ленка.

Бабу Веру в горячей ванне пробил озноб, голова закружилась, стало трудно дышать.

Вот оно! Кайся сама с собой, не кайся, а час расплаты настанет!

Озноб сменился жаром, который растекся по всему телу. Баба Вера открыла кран с холодной водой на всю мощь.

Но почему-то из него полилась не холодная вода, а кипяток. То ли баба Вера перепутала краны, то ли что-то не то наделали коммунальщики.

Ванная комната вмиг наполнилась паром. Перед глазами бабы Веры поплыли красные круги, грудь сдавило, руки повисли безжизненными плетями, в голове оглушительно забился пульс.

«Давление поднялось», – последнее, что подумала баба Вера и что есть мочи захрипела, призывая на помощь, пока не потеряла сознание.

Только через время, когда горячая вода уже проторила путь в коридор, Емелин и Лена поняли, что надо ломать дверь в ванную комнату. Емелин выбил её одним рывком, но было поздно.

Вскрытие потом установит, что инсульт произошёл раньше, чем баба Вера сварилась в кипятке, которым заполнила ванну. То ли по своей ошибке. То ли по нерадивости коммунальщиков.

Об авторе: АНТОНИНА САЛТЫКОВА

Драматург, писатель, лауреат литературной премии «Антоновка 40+ Зрелая литература», финалист драматургического конкурса «Время драмы. Весна», полуфиналист X Питчинга дебютантов при Московском международном фестивале. Публикации в журнале Литerrатура, альманахе «Белая скрижаль», сборнике рассказов «От сердца к сердцу».